

UNITED WISDOM

Аль-Газали: сомнение, знание и религиозная жизнь

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-25-N03 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Аль-Газали: сомнение, знание и религиозная жизнь

> *«Теория давалась мне легче, чем практика.»*
>
> *Аль-Газали, Избавляющий от заблуждения, §81; английский перевод Richard J. McCarthy. Русский перевод автора статьи с английского.*

О чём эта статья

Человек умеет объяснить, почему следует отказаться от тщеславия, но ждёт восхищения именно за такое объяснение. Эта условная сцена ведёт к одному из самых трудных вопросов Аль-Газали: когда верное знание перестаёт быть прикрытием для неверного намерения? Мы пройдём от его рассказа о сомнении к критике отдельных философских положений, а затем к связи знания и религиозной жизни. Важная часть пути — различить устойчивое наблюдение и доказательство необходимой связи на примере огня и хлопка. Из этой критики не следует, что Аль-Газали отверг математику или «уничтожил науку». Сопоставление с Юмом, Августином и Аристотелем поможет назвать реальные точки встречи, не приписывая авторам общего ответа. Его свидетельство укоренено в исламской вере и суфийской практике; современные применения принадлежат нашему анализу. Статья предлагает проверять основания и мотивы, сохраняя границу между философским доводом, религиозным рассказом и собственным решением.

I. Когда уверенность перестаёт быть основанием

Мы часто называем знанием то, в чём чувствуем себя уверенно. До первого серьёзного возражения эта замена почти незаметна. Человек уверенно ориентируется в родном городе, узнаёт знакомый голос, пересказывает семейную историю. Во многих повседневных ситуациях такая уверенность полезна. Однако её сила сама по себе не объясняет, почему убеждение истинно.

Учитель закончил объяснение и получил именно то, чего ждал: слушатели согласились. В условной сцене его доводы точны, голос спокоен, репутация безупречна. Но вечером он замечает, что больше всего вспоминает не разобранный вопрос, а лица людей, которые им восхищались. Он учил истине или собирал подтверждения собственной значительности? Правильный ответ на занятии этого вопроса не решает.

В «Избавляющем от заблуждения» Аль-Газали описывает внимание к тому, как дети усваивают веру своего окружения, и поиск знания, защищённого от ошибки. Это его

собственный рассказ о духовном и интеллектуальном пути, а не беспристрастный протокол наблюдений за всеми религиями. Для чтения здесь используется перевод Ричарда Дж. Маккарти, начальные параграфы 6–15.

Поставим рядом наш пример. Два собеседника одинаково искренне уверены в противоположных объяснениях одного события. Первый с детства слышал одно, второй — другое. Их искренность не устраняет разногласия. Потребуется выяснить, что именно утверждается, какие свидетельства доступны и какой переход от свидетельства к выводу каждый считает допустимым.

Отсюда не следует, что воспитание непременно обманывает. Вместе с языком и привычками мы получаем множество верных сведений. Проблема начинается, когда происхождение убеждения подменяет его обоснование: «Меня так учили» становится достаточным ответом на любой вопрос. Тогда критика воспринимается как нападение на семью или принадлежность, хотя собеседник мог спрашивать только о конкретном доводе.

Обратная подмена столь же опасна. «Я сам до этого дошёл» тоже ничего не гарантирует. Самостоятельно можно повторить распространённую ошибку, не заметив её происхождения. Независимость мысли определяется не отсутствием влияний, а способностью распознавать основания, ограничения и возможные возражения.

Поэтому первый полезный вопрос звучит скромнее требования немедленно пересмотреть всю жизнь: что поддерживает именно это убеждение? Ответ может включать свидетельство другого человека, собственное наблюдение, рассуждение, религиозное доверие. Эти основания различаются. Чтобы обращаться с ними честно, прежде всего нужно перестать называть их одним словом «очевидно».

Различение оснований не требует жить без доверия. Проверить лично каждое сообщение невозможно, и требование такой проверки разрушило бы почти всякое сотрудничество. Но доверие может быть определённым: кому, в каком вопросе и почему мы доверяем? Друг вправе надёжно рассказать, что видел, не становясь специалистом по объяснению увиденного. Исследователь может компетентно разобрать данные и всё же не знать обстоятельств конкретной семьи. Когда область доверия названа, отказ принять более широкое утверждение перестаёт выглядеть отказом уважать человека. Мы сохраняем отношения, не обещая заранее согласиться со всем. Именно это позволяет доверие уточнять, а не только поддерживать или целиком разрывать.

II. Сомнение, которое касается самого инструмента проверки

Обычное сомнение предполагает, что у нас остаётся надёжный способ разрешить вопрос. Неясно, закрыта ли дверь, — можно посмотреть. Неясно, верен ли расчёт, — можно пересчитать. Но что произойдёт, если вопрос направлен на сами средства проверки? Если зрение иногда вводит в заблуждение, почему этому наблюдению следует доверять? Если рассуждение может быть ошибочным, чем проверить рассуждение о надёжности рассуждения?

В названных параграфах Аль-Газали движение идёт от недоверия к чувствам к вопросу о первичных истинах разума. Восстановление доверия к ним он объясняет божественным светом, а не новым выводом из уже доказанных посылок. Мы передаём религиозное самоописание автора; оно не является воспроизводимым экспериментальным объяснением.

Здесь важно различать опровержение и возможность опровержения. Если человек показывает ошибку в конкретном вычислении, прежний результат действительно опровергнут. Если он говорит, что вычисления вообще иногда ошибочны, он ещё не показал ошибку здесь. Радикальное сомнение спрашивает, можно ли исключить всякую возможность заблуждения. Это гораздо более сильное требование, чем проверка отдельного утверждения.

У такого требования есть цена. Доказательство нуждается в исходных правилах: например, одинаковые выражения должны сохранять значение, а вывод должен следовать из посылок. Когда одновременно поставлено под вопрос всё, нельзя незаметно пользоваться этими правилами, чтобы объявить окончательную победу сомнения. Само объявление тоже претендует на осмысленность и обоснованность.

Современный читатель не обязан принять религиозный ответ Аль-Газали, чтобы увидеть трудность. Он может спросить, какие доверия делают исследование возможным и какие из них допускают исправление внутри самого исследования. Мы способны уточнять показания чувств с помощью других наблюдений, приборов и рассуждений. Но идея исправления предполагает, что различие между более и менее обоснованным суждением сохраняется.

Из этого не получается доказательство любой выбранной веры. Получается ограничение поспешного скептицизма: замеченная уязвимость познания не даёт права объявить все ответы равноценными. Сомнение становится содержательным, когда показывает, что именно не установлено, вместо того чтобы раздавать всеобщую неопределённость без различий.

III. Критика философов требует понимания философии

Иногда обсуждение Аль-Газали сжимают до удобной сцены: религиозный мыслитель отверг разум, и исследование прекратилось. Эта схема не выдерживает внимательного чтения. В исследовании Фрэнка Гриффеля, разделы 3–4, «Несостоятельность философов» рассматривается как философски содержательная критика определённых учений и притязаний на доказательность. Принятие ряда философских средств сосуществует у Аль-Газали с резким религиозным осуждением некоторых положений.

Это сочетание неудобно для простых лагерей. Человек может пользоваться логикой и спорить с конкретной метафизикой. Он может признавать силу одного доказательства и отрицать, что соседнее рассуждение достигает того же уровня. Само слово «философия» слишком широко, чтобы его принятие или отвержение объясняло позицию без дальнейших различений.

Рассмотрим условный спор. Один участник представляет три довода: расчёт, описание события и утверждение о конечном основании мира. Второй находит ошибку в третьем. Было бы неправильно считать, что он тем самым опроверг расчёт. Но и успешный расчёт не переносит свою надёжность на метафизический вывод автоматически. Каждый переход должен быть предъявлен отдельно.

Именно здесь появляется дисциплина критики. Нужно восстановить утверждение оппонента так, чтобы он мог его узнать. Затем назвать посылку, которая не установлена, или шаг, который не следует из посылок. Наконец, ограничить результат: показано отсутствие данного доказательства, ложность положения или только необходимость дальнейшего уточнения? Эти три итога нельзя без потерь объединить.

При этом исторический Аль-Газали не был современным нейтральным организатором дискуссии. Его религиозные осуждения имели серьёзный смысл и последствия; их нельзя сгладить до доброжелательного предложения всем свободно рассуждать. Уважительное чтение не требует ни оправдывать каждое суждение автора, ни вычёркивать сложные места из его позиции.

Для собственного исследования мы можем сохранить точность процедуры, не перенимая историческую меру осуждения. Если довод не работает, объясним почему. Если автор ошибается в представлении соперника, проверим представление по источникам самого соперника. Авторитет критика не отменяет этой обязанности. Хорошая критика становится сильнее, когда читатель способен проверить её независимо от имени на обложке.

Особенно полезно удерживать различие между истиной и показанной истиной. Человек может случайно угадать верный ответ, предъявив неверное обоснование. Исправление

обоснования тогда не меняет ответ, но меняет наше право на него ссылаться. И наоборот: обнаруженная ошибка в доводе не всегда доказывает противоположное положение. Представим две версии объяснения события. Если первая не подтверждена, это ещё не делает вторую установленной. Возможно, данных недостаточно для обеих. Такая промежуточная позиция менее эффектна, чем победная реплика, но точнее описывает результат исследования. Она оставляет место новому свидетельству и не заставляет заранее связывать достоинство человека с неизменностью его версии.

IV. Почему он не «уничтожил науку»

В разделах о математике и логике «Избавляющего от заблуждения», параграфы 37–45 перевода Маккарти, Аль-Газали различает доказательные знания и религиозные вопросы. Он предостерегает как против переноса авторитета математиков на все их взгляды, так и против отрицания точных знаний ради защиты веры. В том же тексте присутствуют ограничения и опасения относительно обучения. Превращать его в сторонника современной свободной науки тоже было бы анахронизмом.

Фраза о единоличном уничтожении науки требует совсем других свидетельств, чем несогласие с философами. Чтобы объяснить изменения большого интеллектуального мира, понадобились бы сведения об образовании, учреждениях, книгах, практиках и людях на протяжении времени. Один влиятельный текст может иметь последствия, но влияние ещё нужно установить, а не объявить по громкости заголовка.

Полезно увидеть, как работает ошибка такого объяснения. Сначала выбирают конечное событие, затем находят выразительного противника некоторого учения, после чего связывают их прямой стрелкой. Промежуточные процессы исчезают. Читатель получает драму с одним виновником и теряет способность различать области знания, разные периоды и множество действующих причин.

Другой ошибкой было бы оправдать автора только потому, что он признал некоторые науки. Признание доказательности математики не отвечает на все вопросы о допустимости исследования, его институциональной свободе и отношении к несогласным. Историческая оценка может включать напряжения, которые не устраняются одной положительной или отрицательной характеристикой.

Наш современный вывод касается прежде всего обращения с авторитетом. Допустим, известный специалист верно объясняет явление в своей области, а затем высказывается о совершенно другом предмете. Его компетентность даёт основание внимательно слушать, но не снимает вопроса о доказательствах второго утверждения. Репутация повышает интерес к доводу, а не заменяет довод.

Сходным образом неприятие мировоззрения автора не превращает его измерения в ложь. Проверить измерение и оценить мировоззрение — разные работы. Если мы их смешиваем, собственная принадлежность начинает распоряжаться фактами. В результате спор проигрывает даже тогда, когда кажется выигранным: он перестаёт объяснять то, о чём стороны первоначально говорили.

V. Огонь и хлопок: что показывает наблюдение

В семнадцатом обсуждении «Несостоятельности философов» Аль-Газали рассматривает горение хлопка при соприкосновении с огнём. Он оспаривает необходимый характер связи, обсуждает божественное действие и возможность чуда. Текст включает разные линии ответа, а не единственную декларацию о полной бессвязности событий. Здесь доступен английский перевод Сабиха Ахмада Камали; изложение сохраняет теологический контекст.

Чтобы рассмотреть вопрос, не нужно проверять огонь собственными руками. Различим три суждения: событие регулярно происходит; существуют основания ожидать его снова; оно не могло бы происходить иначе ни при каких мыслимых условиях. Последнее утверждение сильнее двух первых. Переход к нему требует дополнительных предпосылок о природе вещей и пределах возможности.

Это различие само по себе не является современной научной теорией причинности. В исследовании природы выводы проверяются множеством способов, а не одним наблюдением соседства событий. Поэтому нельзя объявить, будто средневековый спор заранее опроверг всякое экспериментальное знание. Но и описание устойчивой связи не должно незаметно превращаться в исчерпывающее метафизическое объяснение её основания.

В нашей условной ситуации прибор перестал работать после обновления программы. Последовательность событий даёт разумное направление поиска. Она ещё не исключает перегрев, повреждённое соединение или совпадение. Дополнительные проверки позволяют различить версии. Когда мы обнаружим причину, останется вопрос, насколько широко действует объяснение: для этого прибора, для данной версии программы или для любых подобных случаев.

Религиозный вопрос Аль-Газали иной: ограничивает ли обычный порядок событий божественную возможность? Вера в чудо и анализ условий эксперимента работают с разными основаниями. Человек может обсуждать философскую состоятельность довода, но не должен представлять религиозное свидетельство как результат лабораторной проверки.

Практический смысл разграничения не в том, чтобы перестать доверять закономерностям. Поступать безопасно и ответственно необходимо, учитывая обоснованные ожидания. Возможность, рассматриваемая в метафизическом споре, не является обещанием необычного исхода конкретного действия. Открытость вопросу об основании мира не освобождает от осторожности внутри мира.

VI. Знать о жизни и жить согласно знанию

В суфийском разделе «Избавляющего от заблуждения», параграфы 80–88, Аль-Газали различает усвоение учения и его осуществление. Он рассказывает также о проверке мотивов собственного преподавания и тяжёлом кризисе перед уходом из Багдада. Это ретроспективное религиозное свидетельство; статья не ставит автору современного медицинского диагноза.

Разницу между пониманием и осуществлением легко увидеть без пересказа его биографии. Человек способен подробно объяснить, почему перебивать собеседника несправедливо, и всё же перебивать каждый раз, когда разговор затрагивает его репутацию. Он знает правило, но пока не умеет удерживать его в условиях, ради которых правило особенно необходимо.

Здесь различаются по меньшей мере три способности. Первая — сформулировать правильное положение. Вторая — распознать ситуацию, к которой оно относится. Третья — действовать согласно ему, когда действие стоит времени, удобства или признания. Ошибка часто скрывается между второй и третьей: человек замечает, что должен сделать, и сразу придумывает исключение для себя.

Из этого не следует, что теория бесполезна. Без ясного понимания можно настойчиво тренировать ошибочное поведение. Но теория не заменяет внимания к собственным действиям. Если чтение приносит только новые слова для оправдания прежних привычек, знание накапливается, а отношение к людям не меняется.

Для Аль-Газали осуществление религиозной жизни связано с Богом, очищением сердца и спасением. Это нельзя свести к повышению эффективности, успокоению или удобному самоконтролю. Даже когда современная аналогия помогает понять проблему, она не исчерпывает того, ради чего практикуется исходный путь.

В нашем применении полезен более ограниченный вопрос: какое наблюдаемое действие должно измениться, если я всерьёз принимаю своё суждение? Если человек ценит точность, станет ли он исправлять собственную ошибку публично? Если ценит благодарность, сможет ли назвать чужой вклад без добавления рассказа о себе? Такая проверка не доказывает метафизического учения, но делает видимым разрыв между декларацией и поступком.

Здесь возникает ещё одна граница: опыт, изменивший мою жизнь, не обязательно доказывает другим моё объяснение этого опыта. Другой человек может признать перемену поведения и всё же задавать вопросы о её причинах. Свидетельство заслуживает внимательного слушания, но внимательное слушание не обязано завершаться одинаковой верой. Вместо принуждения полезно точно сообщить, что произошло, какое значение это получило для меня и какие выводы я предлагаю обсуждать. Тогда собеседник может различить событие, переживание и толкование. Уважение к духовному опыту не требует объявлять любое его истолкование неопровержимым; критика толкования, в свою очередь, не требует унижать человека, для которого опыт важен.

VII. Сердце, намерение и возможность самообмана

В первой главе «Алхимии счастья», перевод Клода Филда, сердце обозначает внутреннее начало человека, а не просто телесный орган. Самопознание направлено к познанию Бога; разум и желания рассматриваются в связи с духовной дисциплиной. Современное употребление слова «сердце» как обозначения любого сильного чувства здесь недостаточно.

Поэтому искренность не следует путать с приятной убеждённостью в собственной чистоте. Человек может переживать себя честным и одновременно тщательно отбирать факты, которые сохраняют выгодный образ. Более внимательная проверка намерения спрашивает, что он стремится получить, кого готов не услышать и какую потерю считает недопустимой.

Вернёмся к учителю из начала статьи. Возможно, он действительно хочет, чтобы ученики понимали предмет, и одновременно хочет восхищения. Смешанный мотив не превращает каждое его объяснение в ложь. Однако желание признания может влиять на выбор вопросов: он охотнее отвечает там, где сможет блеснуть, и избегает мест, где придётся признать незнание.

Наш анализ не требует обнаружить абсолютно бескорыстное внутреннее состояние прежде всякого действия. Такое требование способно сделать человека бесконечно занятым собой. Достаточно увидеть конкретное влияние мотива и изменить действие: дать ученику закончить, исправить неточность, отложить эффектный ответ до проверки.

При этом внешний результат тоже нельзя игнорировать. Хорошее намерение не устраняет причинённый вред. Если помощь оказалась унизительной, рассказ помощника о собственной доброте не закрывает вопроса. Другой человек вправе сообщить, что именно произошло с ним. Ответственность соединяет внимание к мотиву с готовностью услышать последствия.

В шестой главе «Алхимии счастья» самоиспытание и память о Боге помещены в перспективу ответственности перед Ним и будущей жизни. Наше повседневное сопоставление слов с поступками гораздо уже. Оно помогает заметить отдельные несоответствия, но не является заменой этой религиозной перспективы или обещанием духовного достижения.

Осторожность необходима и при оценке чужих намерений. Мы можем наблюдать поступок и слышать объяснение, но не имеем полного доступа ко внутренней жизни другого. Если человек ошибся, следует назвать ошибку и её последствия; утверждение, что он обязательно хотел обмануть, требует дополнительных оснований. Проверка собственных мотивов и обвинение другого в скрытом мотиве — разные действия с разной ответственностью. Иначе язык нравственной требовательности становится удобным средством победить в споре: оппоненту приписывают тщеславие, после чего его аргумент уже не рассматривают. В такой ситуации разговор о чистоте сердца сам превращается в способ уклониться от честной проверки предмета.

VIII. Одинаковая трудность не даёт одинакового объяснения

Разрыв между уверенным объяснением и пережитым затруднением встречается в разных текстах, но его основания следует проверять по каждому из них. Сравнение здесь не доказывает, что авторы описывали одну духовную систему другими словами.

В семнадцатом обсуждении «Несостоятельности философов» Аль-Газали разбирает переход от совместно наблюдаемых событий к необходимой причинной связи. В пятом разделе «Исследования» Юма, §36–38 повторение опыта связано с привычкой ожидать одно событие после другого. Общая точка вопроса ясна: ожидание ещё требует объяснения. Но Юм исследует устройство вывода из опыта, тогда как газалиевское рассуждение включено в спор о божественном действии и возможности чуда. Приравнивание двух позиций лишило бы одну её религиозного предмета, а другой добавило бы не заявленный ею теологический вывод. Нет нужды утверждать и прямое историческое влияние, чтобы сравнение оставалось содержательным.

Другой переход относится к действию. Августин в восьмой книге «Исповеди» описывает, как понимание не прекращает откладывания перемены. Аль-Газали в §80–85 проверяет разрыв между освоенным знанием пути и собственной жизнью. Оба текста сопротивляются удобной мысли, что недостаёт только ещё одного объяснения. Однако это обращения к Богу внутри разных религиозных историй; их нельзя без остатка превратить в современный совет по продуктивности. Человек может понять поставленный вопрос, не присваивая чужую историю как описание своих симптомов.

Аристотелевское рассуждение о нравственной привычке задаёт ещё один вариант: качество формируется поступками. Рядом с газалиевской проверкой намерения это позволяет спросить отдельно, что сделано и ради чего. Повторение действия не гарантирует чистоты мотива; ясный мотив не исполняет действие вместо нас.

Для учителя из начала статьи такая карта полезна своей конкретностью. Он может проверить аргумент лекции, последствия преподавания и зависимость от похвалы как три разных предмета. Ни один не исчезает из-за успеха в другом. Хорошая мысль не становится ложной только потому, что автор тщеславен; однако она ещё не доказывает, что он живёт согласно ей. Именно это различение делает самопроверку точнее и менее театральной.

IX. Знание, которое не прячется за своей правильностью

Читать Аль-Газали плодотворно, удерживая напряжение его позиции. Он требует исследовать основания, пользуется доводами и различает области знания; одновременно его путь остаётся религиозным, а некоторые исторические осуждения требуют критического внимания. Любая попытка сделать его только противником разума или только современным критическим мыслителем обедняет предмет.

В собственной жизни это напряжение помогает отказаться от двух удобств. Первое — считать унаследованную уверенность достаточным знанием. Второе — считать интеллектуальную правоту достаточной добродетелью. Можно лучше разобраться в доводе и по-прежнему поступать несправедливо. Можно искренне стремиться к добру и всё же ошибаться в объяснении происходящего.

Поэтому вопросы об истине и образе жизни связаны, но не совпадают. Один требует проверять утверждения, другой — замечать мотивы и последствия поступков. Встречаются они там, где человек перестаёт использовать знание как защиту от ответственности. Признать ошибку становится продолжением исследования, а не его поражением.

Учитель из нашего зачина не обязан немедленно бросать преподавание, чтобы доказать серьёзность размышления. Он может начать с менее театрального действия: на следующем занятии открыть вопрос, на который пока не знает ответа, и позволить ученику показать неточность. Это не повторение биографии Аль-Газали. Это конкретный способ проверить, служит ли знание предмету разговора или всё ещё требует постоянного восхищения собой.

Допустим, ученик указывает на ошибку в объяснении, а учитель первым делом замечает не её содержание, а недостаточно почтительный тон. Это ещё не доказывает единственного скрытого мотива учителя. Однако он способен проверить два вопроса

отдельно: верно ли замечание и как следует обсуждать его форму. Даже неприятная реплика может содержать точное возражение; даже точное возражение не делает любую манеру разговора полезной. Учитель может исправить объяснение перед теми, кто его слышал, а затем договориться об уважительном обсуждении. Если же вопрос о тоне служит только способом не исправлять ошибку, проверка намерения получила конкретный предмет. Она касается порядка действий: что человек защищает прежде всего, когда признание собственного промаха становится ценой точности.

Так исследование продолжается в двух направлениях: мы уточняем, что можем обоснованно сказать, и замечаем, что делаем с этим знанием. Ни одно направление не позволяет окончательно освободиться от второго. Именно их совместная требовательность сохраняет живой смысл вопроса о знании и религиозной жизни.

Что это значит на практике

Выберите одно утверждение, которое недавно защищали особенно горячо. Запишите его без имён сторонников и противников. Затем укажите основание: что вы наблюдали сами, что приняли от других, что вывели рассуждением и что относится к вере. Если основания смешаны, разделите их до обсуждения истинности вывода.

Попробуйте назвать сильнейшее возражение, которое действительно относится к утверждению. Фраза «никто ничего не знает» обычно слишком широка. Вопрос «из этого наблюдения следует именно этот вывод?» полезнее: на него можно ответить, показав пропущенную предпосылку или уточнив границы вывода. Если ответ пока отсутствует, это определённое незнание, с которым можно работать.

Следующий шаг касается авторитета. Уберите имя уважаемого мыслителя и спросите, что останется от аргумента. Затем верните имя и рассмотрите, чему доверие к нему может разумно помочь: выбору источников, пониманию терминов, началу исследования. Не требуйте, чтобы доверие сразу доказало каждую отдельную мысль.

Наконец, найдите один поступок, в котором заявленное убеждение должно проявиться. Не выбирайте всеобщую переделку характера. Подойдёт конкретная ситуация: признать чужой вклад, сообщить об ошибке, уточнить непонятный вопрос вместо уверенного ответа. После действия оценивайте не красоту намерения, а то, что было сделано и что остаётся исправить.

Эта последовательность — наше современное упражнение в точности и ответственности. Она не является суфийским наставничеством, религиозным предписанием или способом получить откровение. Читатель, следующий определённой традиции, соотносит её со своими основаниями и компетентным религиозным руководством, не смешивая жанры.

Полезно также назначить момент завершения проверки. Если достаточные основания для ограниченного действия получены, дальнейшее возвращение к одному и тому же сомнению может уже не добавлять знания. Ответственность включает способность действовать с обоснованной, хотя и не абсолютной, уверенностью и готовность исправляться, когда появятся новые сведения.

После этого спросите, какое новое свидетельство могло бы изменить ваш вывод. Если ответ «никакое», проверьте, действительно ли речь идёт о проверяемом утверждении. Возможно, перед вами религиозное обязательство, личное решение или определение термина; тогда нужен другой разговор. Но если вы заявляете факт, а заранее исключаете возможность его исправления, проверка становится декоративной. Полезно сформулировать условие пересмотра до появления неприятного свидетельства: например, конкретное независимое подтверждение, документ или воспроизводимая ошибка в расчёте. Так мы затрудняем себе изменение правил после того, как исход спора уже стал известен, и делаем собственную открытость возражениям видимой.

Ключевая цитата

> *«[Моё намерение в публичном преподавании] не было направлено исключительно к Богу».*
>
> *Аль-Газали, Избавляющий от заблуждения, §85, фрагмент о собственном намерении в преподавании; английский перевод Richard J. McCarthy. Русский перевод автора статьи с английского. Слова в квадратных скобках уточняют подлежащее из непосредственно предшествующей части предложения. Предмет признания — собственное намерение, а не отрицание ценности всякого преподавания.*

Связи между традициями

Это наши аналитические сопоставления. Историческое влияние не утверждается там, где для него не приведено свидетельство.

Предмет	Позиции и опоры	Что позволяет сравнить	Где проходит граница
Наблюдение и необходимость	Аль-Газали, обсуждение XVII — Юм, V.I, §36–38	Повторяемое наблюдение и основание причинного ожидания различаются.	Спор о божественном действии и анализ привычки не дают одной теории причинности.

Предмет	Позиции и опоры	Что позволяет сравнить	Где проходит граница
Объяснение причин	Аль-Газали: причинность, обзор Гриффеля — Фома, I q.2 a.3	Причина требует объяснения за пределами простого перечня событий.	Теологические отношения Бога и вторичных причин нельзя объявить одинаковыми; у Газали обсуждаются разные интерпретации.
Знать и начать действовать	Аль-Газали, §80–85 — Августин, VIII.7–8	Понимание может сосуществовать с откладыванием перемены.	Это разные религиозные свидетельства; сходство затруднения не доказывает одинаковой доктрины обращения.
Качество и намерение	Аль-Газали: намерение, §85 — Аристотель, Этика II.1	Одного верного описания недостаточно для нравственной жизни.	Приобретённая добродетель не тождественна направленности действия к Богу.
Похвала и ответственность	Аль-Газали: мотив преподавания, §85 — Эпиктет, §1–2	Внешнее признание нельзя считать точной мерой собственного поступка.	Стоическое различение контроля и суфийская проверка намерения имеют разные конечные цели.

Первоисточники

Первичные тексты, нормативные документы и исследовательские комментарии различены в подписях. Название раздела не делает справочное исследование первоисточником.

1. Аль-Газали. **Deliverance from Error (al-Munqidh min al-Ḍalāl)**. Перевод Richard J. McCarthy, опубликованный в *Freedom and Fulfillment*, 1980; электронное воспроизведение. Использованы начальные параграфы 6–15, разделы о математике и логике 37–45 и суфийском пути 80–88. Текст перевода.

2. Frank Griffel. **al-Ghazali**. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Использованы разделы 3–5 и 7, включая разграничение критики доказательств и отрицания философии, этику и разные толкования причинности. Научная статья.

3. Аль-Газали. **The Incoherence of the Philosophers**, обсуждение XVII. Английский перевод Sabih Ahmad Kamali в представленном на сайте воспроизведении; метаданные страницы указывают перевод через урду. Использованы начало, возражение о неопределённости и два ответа. Обсуждение причинности.

4. Аль-Газали. **The Alchemy of Happiness**, перевод Claud Field, глава I: *The Knowledge of Self*. Использовано определение сердца и связь самопознания с религиозной целью; перевод не принимается за исчерпывающее критическое издание персидского труда. Глава I.

5. Аль-Газали. **The Alchemy of Happiness**, перевод Claud Field, глава VI: *Concerning Self-Examination and the Recollection of God*. Использована религиозная рамка самоиспытания. Глава VI.

6. **Дэвид Юм. Исследование о человеческом разумении, V, часть I, §36–38. Первичный текст: привычка и вывод от прошлого опыта к ожидаемому событию.** Текст и использованное место.

7. **Августин. Исповедь, VIII.7.16–18 и VIII.8.19; англоязычный текст New Advent. Первичный текст: самопроверка, откладывание обращения и трудность действия.** Текст и использованное место.

8. **Аристотель. Никомахова этика, II.1–2, 1103a–1103b; английский перевод W. D. Ross. Первичный текст: приобретение нравственных качеств поступками.** Текст и использованное место.

9. **Эпиктет. Энхиридион, §1–2; английский перевод Elizabeth Carter. Первичный текст: различение зависящего и не зависящего от нас.** Текст и использованное место.

10. **Фома Аквинский. Сумма теологии, I, q.2, a.3, третий путь. Первичный текст: возможное и необходимое; англоязычное издание New Advent.** Текст и использованное место.

Теги

Аль-Газали, исламская философия, калам, суфизм, сомнение, достоверность, знание, намерение, самообман, практика, религиозная жизнь, Избавляющий от заблуждения, Несостоятельность философов, причинность, наблюдение, необходимость, огонь и хлопок, чудо, математика, наука, аргументация, сердце, тщеславие, преподавание, Юм, Августин, Аристотель, Эпиктет, ответственность, межтрадиционное сравнение

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.